

Проблеме использования державинских стилистических традиций в «Медном всаднике» посвящена интересная, не потерявшая и до сих пор своего значения статья Л. В. Пумпянского. Автор видит в поэме Пушкина три стилистических слоя: одический, близкий к языку XVIII в., онегинский и беллетристический. При этом одический, державинский язык, как полагает Л. В. Пумпянский, у Пушкина неотделим от темы Петра и Медного всадника: «Но первый слой, одический, так же неразрывно связан с Петром и только с ним. Только для изображения Петра, основания Петербурга, всадника и погони всадника за Евгением Пушкин использует литературную традицию XVIII в.»³¹

Здесь Пумпянский допускает по меньшей мере неточность. Одизмы в «Медном всаднике» совсем не представляют собой тематически ограниченной и замкнутой системы.

Державинский стиль поэмы связан, конечно, не с одним только изображением Петра и Петрова творенья. Тем же державинским языком написаны и сцены бунта Евгения, характеризуется сам Евгений, по мере того как вырастает его значительность и усиливается сочувствие к нему как самого поэта, так и читателей поэмы. Не приводя многих примеров, ограничусь одним. Вот как, какими словами рисуется Евгений в кульминационной сцене поэмы — сцене бунта:

Кругом подножия кумира
 Безумец бедный обошел
 И взоры дикие навел
 На лик державца полумира.
 Стеснилась грудь его. Чело
 К решетке холодной прилегло,
 Глаза подернулись туманом,
 По сердцу пламень пробежал,
 Вскипела кровь. Он мрачен стал
 Пред горделивым истуканом
 И, зубы стиснув, пальцы сжав,
 Как обуянный силой черной,
 «Добро, строитель чудотворный! —
 Шепнул он, злобно задрожав, —
 Ужо тебе!»...

«Дикие взоры», «пламень пробежал», «стеснилась грудь», «чело», «хладный», «обуянный» и пр. — все это, очевидно, не «онегинский» язык и не язык беллетристический. Здесь приметные черты того же одического стиля, о котором говорил

³¹ Л. В. Пумпянский. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века, стр. 93.